

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печати. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всея города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургѣ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

1.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора ходатайствъ военныхъ начальствъ, Всемиловитѣйше соизволилъ, *въ 7-й день ноября* минувшаго 1905 г., на награжденіе, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, золотыми наперсными крестами на Георгіевской лентѣ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества: благочиннаго 14-й пѣх. дивизіи, протоіерея Александра *Орлова*, бывшаго священника для командировокъ при управленіи полевого главнаго священника 2-й Маньчжурской арміи, нынѣ протоіерея Іакова *Соколова* и священниковъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ: 1-го—Іоанна *Рублевскаго* и 10-го—Іоанна *Ремизова*.

2.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ Прокурора Святѣйшаго Синода ходатайства Главнокомандующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ и согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемиловитѣйше соизволилъ, *въ 25-й день ноября* минувшаго 1905 года, на со-

причисленіе полевого главнаго священника 2-й Маньчжурской арміи, протоіерея Александра *Журавскаго*, за примѣрное исполненіе имъ пастырскихъ обязанностей и труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій, къ ордену св. Владиміра 3-й степени.

3.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіемъ Св. Синода, **Всемиловитѣйше** соизволилъ 9-го декабря, минувшаго 1905 года, на награжденіе, за отличіе въ дѣлахъ противъ Японцевъ, золотыми наперсными крестами на Георгіевской лентѣ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества: священника Штаба Урало Забайкальской казачьей дивизіи Николая *Модина*, нынѣ переведеннаго въ 97-й пѣх. Лифляндскій полкъ, священника для командировокъ при управленіи главнаго священника при Главнокомандующемъ войсками на Дальнемъ Востокѣ Василя *Корнь*, священника 58-го пѣх. Прагскаго полка Михаила *Малявинскаго*, и іеромонаха Ахтальскаго Успенскаго монастыря, Грузинской епархіи, *Омы* (Манзюка).

НАГРАДЫ, ОТЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ВЫДАВАЕМЫЯ

Священникъ церкви бывшаго Квантунскаго флотскаго экипажа Димитрій *Нещеретовъ*, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей въ Портъ-Артурѣ, во время осады, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ награжденъ камилавкою.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ПОХОРОННОЙ КАССЫ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА,

1) Скончались члены Кассы:

а) свящ. 134-го пѣх. Оеодосійскаго полка Димитрій Александровичъ *Хорошевъ* (согласно телеграммѣ) 30-го сентября 1905 года,

б) діаконъ церкви Двинскаго военнаго госпиталя Алексѣй Кирилловичъ *Черепнинъ* 26-го октября 1905 года.

2) Всѣхъ смертныхъ случаевъ отъ начала дѣйствій Кассы было двѣнадцать.

3) Всѣмъ лицамъ, не сдѣлавшимъ къ 1-му ноября второго годичнаго взноса дѣлается первое предупрежденіе.

4) Лицамъ, съ количествомъ недоимокъ превышающимъ пять рублей, дѣлается второе предупрежденіе, послѣ котораго согласно Устава должно слѣдовать исключеніе изъ состава членовъ Кассы.

5) Справку о недоимкахъ производить по списку, отпечатанному въ № 20 «Вѣстника Военнаго Духовенства» за текущей годъ.

Предсѣдатель правленія,
священникъ *Романъ Медвѣдь*.

Дѣлопроизводитель, діаконъ *Василій Мудролюбовъ*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поученіе о вредѣ сквернословія.

Всяко слово ^{праздное} ~~праздное~~, еже аще рекуть чело-
вѣцы, воздають о немъ слово въ день судный.
(Мѡ. 12 гл., 36 ст.).

Пришелъ я къ вамъ сегодня, христілюбивые воины, съ намѣреніемъ побесѣдовать съ вами объ одной изъ самыхъ неблагопристойныхъ, самыхъ грѣшныхъ привычекъ вашихъ—о сквернословіи.

Друзья мои! Вы такъ привыкли браниться на разные манеры, что не считаете это грѣхомъ, не считаете и неблагопристойностью. Вы бранитесь и такъ себѣ— ради куражу, самохвальства, краснаго словца; бранитесь и во гнѣвѣ на кого нибудь; бранитесь на самую неразумную скотину, даже на оружіе. Въ бранныхъ словами вы, христілюбивые воины, злоупотребляете самымъ священнымъ даромъ Божиимъ—даромъ слова, которымъ Премудрый и Всемогущій Творецъ отличилъ человѣка отъ безсловесныхъ тварей!

Пристрастившись къ этой худой привычкѣ, подумали-ли вы хорошенько о томъ, что она есть зло для человѣка и влечетъ за собою пагубныя по-

слѣдствія. Будучи самъ ранѣе сельскимъ жителемъ, я знакомъ и съ вашимъ домашнимъ бытомъ. И какъ часто приходилось наблюдать, что у васъ — въ вашихъ домахъ бранятся и малыя дѣти. Отъ чего и отъ кого это? Именно отъ васъ:—вы никогда не остерегаетесь ругаться при дѣтяхъ, а когда изругается такъ же ваше дѣтище, перенявшее это по своей воспримчивости, вы не запрещаете ему, не предостерегаете его. Вотъ что наблюдается и что, дѣйствительно, бываетъ въ вашемъ быту. Такъ дѣти ваши съ лѣтами и привыкають браниться; а къ чему привыкнешь съ молодости отъ того не отвыкнешь и въ старости, потому что привычка обращается въ самую природу. Родители и не замѣчаютъ, что становятся лиходѣями своимъ дѣтямъ, своей плоти и крови, становятся лиходѣями я себѣ самимъ, потому что, какъ сказалъ Господь: *«горе тому человеку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ. Если кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской (Мф. 18, 6, 7)»*. Слышите слова Господни о соблазнителяхъ и примите ихъ къ сердцу.

Но вотъ, примѣрно сказать, татаринъ — разговариваетъ ли съ кѣмъ, пѣсно-ли поетъ — все говоритъ по своему, а какъ только вздумаетъ изругаться хорошенько, навѣрно, изругается по русски, хотя-бы бранился и не съ русскимъ, а своимъ-же братомъ. Что это значитъ? То, что онъ отъ васъ это перенялъ; ругаясь по русски, онъ не хочетъ сквернить своего языка такую мерзостью, какъ наша брань, даже не находитъ въ немъ такихъ выражений, позорящихъ нашъ языкъ. Татаринъ своимъ русскимъ ругательствомъ наругается надъ нами христіанами.

Что можетъ быть гибельнѣе такого соблазна? Христіане, вмѣсто того чтобы безукоризненнымъ поведеніемъ привлекать въ свою вѣру нехристіанъ, отталкиваютъ ихъ отъ нея и утверждаютъ невѣріе! И сбывается надъ ними слово апостольское: «имя Божіе вами хулится у язычниковъ» (Рим. 2, 2—4). Сквернословцы губятъ себя, не только губя людей своимъ примѣромъ, но и положительно оскверняя себя и отвергая все святое и спасительное. Какимъ образомъ? Уста даны намъ для прославленія славнаго имени Божія, какъ поетъ св. Церковь: «да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою»; а сквернословъ что ими дѣлаетъ? Уста даны намъ для выраженія любви къ ближнимъ и молитвы къ Богу; а сквернословъ — что ими выражаетъ?

Вотъ, воины христіолюбивые, какое зло — сквернословіе! Языкомъ

нашимъ, по слову св. Апостола, мы благословляемъ Бога и Отца и имъ проклинаямъ чловѣковъ, [сотворенныхъ по подобію Божию. Изъ тѣхъ-же устъ исходитъ благословеніе и проклятіе: не должно, братія моя, сему такъ быть. Течеть-ли изъ одного источника сладкая и горькая вода? (Іак. 3, 9, 10, 11).

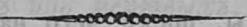
Удерживайте языкъ свой отъ зла, отучайтесь сквернословить. Помните, что говоритъ слово Божіе о сквернословіи и суетловіи.

Оно говоритъ, что [за всякое слово праздное, которое произнесутъ чловѣки, дадутъ въ немъ отвѣтъ въ день страшнаго суда, что никакое слово гнилое, поэтому, да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ. (Еф. 4, 29).

Какъ пастыръ вашъ, я желалъ-бы, чтобы мое наставленіе запало въ ваши сердца и принесло вамъ пользу. Для многихъ изъ васъ скоро оканчивается срокъ службы и вы вернетесь на родину—къ своимъ семьямъ. Усердно прошу васъ, духовныя дѣти, явить собою примѣръ воздержанія отъ сквернословія и тѣмъ научить другихъ.

Будемъ чаще взывать ко Господу съ Давидомъ: «положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устахъ моихъ». Господи устъ моихъ отверзеши и уста моя возвъстятъ хвалу Твою (Пс. 140, 3; Пс. 50, 17). Аминь.

Священникъ Осовецкой крѣпостной церкви Константинъ Введенскій.

Освященіе церкви часовни при Кронштадскомъ Морскомъ госпиталѣ¹⁾.

Въ переживаемые нынѣ тяжелые дни безпорядковъ, насилія, забастовокъ и крупнаго братскаго кровопролитія на Руси, невольно душа, измученная, изстрадавшаяся, тяготѣетъ къ глашатаю мира и безкорыстной любви Христу. Какъ-то особенно отрадно, благотворно дѣйствуютъ на слухъ, проникаютъ въ сердце призывные звуки мирнаго благовѣста церковей христіанскихъ. И невольно спѣшишь подъ эту благостную сѣнь, чтобы хотя

¹⁾ «Котлищъ», №№ 283 и 284.

на мигъ отрѣшиться отъ жизненной неурядицы и въ стройной гаммѣ клировыхъ молитвъ почерпнуть новыя силы, новый подъемъ духа для борьбы тяжелой, поражающей и угнетающей каждаго мирнаго труженика, каждаго свободнаго гражданина.

И вотъ раннимъ воскреснымъ утромъ 18-го декабря зазвучалъ въ Кронштадтѣ новый колоколъ, призывающій въ новый Божій храмъ на великое духовное торжество.

Это торжество — освященіе недавно созданнаго, усердіемъ и жертвами добрыхъ людей отъ генерала до простого рабочаго включительно, новаго каменнаго храма часовни при анатомическомъ театрѣ нашего Николаевского морского госпиталя, во имя св. Николая Чудотворца.

Небольшой, но прекрасно устроенный храмъ этотъ, предназначенный главнымъ образомъ для отпѣванія скончавшихся въ госпиталѣ, замѣнила собою неуютную, темную и смрадную часовню при покойницкой, производитъ пріятное впечатлѣніе массой свѣта, простотой своей конструкціи и удобствомъ расположенія. Все просто, выдержано и на своемъ мѣстѣ.

Торжество началось наканунѣ всенощной, которую совершалъ настоятель госпитальной церкви о. І. А. Погодинъ въ сослуженіи съ протоіереями о. В. Д. Корольковымъ, о. В. И. Погодинымъ и священникомъ А. А. Сербовымъ, при протодіаконѣ С. Н. Ансеровѣ, діаконахъ К. С. Чистосердовѣ, А. А. Моревѣ и П. С. Великомъ. Пѣли два хора — госпитальный и любительскій изъ церкви при гражданской тюрьмѣ.

Въ день освященія, въ 9 час. утра совершенно было о. Я. А. Погодинымъ малое освященіе воды, послѣ чего началось самое освященіе престола и храма, чинъ котораго совершалъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства о. А. А. Желобовскій въ сослуженіи съ тѣмъ же духовенствомъ, которое участвовало и наканунѣ за всенощной. При одѣваніи престола въ алтарѣ присутствовали нѣсколько дамъ. Затѣмъ совершенно былъ крестный ходъ вокругъ храма, возвратившійся при стройномъ пѣніи псалма «Кто есть сей Царь Славы?» исполненнымъ трио того и другого хора. Самый храмъ миропомазанъ и окропленъ о. Іаковомъ.

Началась литургія, имѣвшая особенно торжественный характеръ. Оба хора пѣвчихъ своимъ гармоничнымъ пѣніемъ, богатствомъ голосовыхъ силъ и хорошей срепетовкой много способствовали усилению молитвеннаго настроенія. Было много исполнено ими партесныхъ произведеній. Послѣ за-

причастнаго стиха слышались мощные гармоничные звуки хорального концерта Бартнянскаго «Освящается небо и земля».

Затѣмъ о. І. А. Погодинъ произнесъ слѣдующее прочувственное слово.
«Православные христіане!»

Въ переживаемые нынѣ тяжелые дни, когда сердце истинно русскаго человѣка и патріота истерзано все болѣе и болѣе безотрадными и ужасными извѣстіями со всѣхъ концовъ Россіи, изъ градовъ и весей, когда не видишь въ жизни ничего такого, что могло бы хотя на краткое мгновение дать миръ измученой душѣ, сегодняшній нашъ праздникъ составляетъ свѣтлое отрадное явленіе, останавливаясь на которомъ, мы отдыхаемъ душевно, забываемъ хотя на краткое время всѣ ужасы, отъ которыхъ холодѣтъ наше сердце.

Благодареніе Всевышнему! Сегодня освященъ сей храмъ и принесена уже первая безкровная жертва въ немъ за живыхъ и умершихъ.

При входѣ въ этотъ храмъ нашъ взоръ неотразимо привлекаетъ св. икона Спасителя, по воскресеніи своемъ, возносящагося на небо и какъ бы отверзающаго входъ въ царство небесное Своимъ истиннымъ послѣдователямъ.

Эта св. икона живо напоминаетъ намъ слова св. апостола Павла: *Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ — то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ: то и Христосъ не воскресъ; то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и въра ваша: вы еще во грѣхахъ вашихъ. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ* (1 Кор. XV, 12, 14, 17, 20 и 22).

Въ этихъ словахъ св. Апостола воскресеніе Иисуса Христа представляется краеугольнымъ камнемъ, основнымъ пунктомъ всей христіанской вѣры вообще и въ частности непоколебимымъ основаніемъ вѣры въ наше будущее воскресеніе и вѣчную загробную жизнь.

Мы несомнѣнно вѣруемъ въ будущее воскресеніе мертвыхъ въ послѣдній день міра, когда, по гласу Сына Божія, всѣ умершіе возстанутъ съ нетлѣнными и бессмертными тѣлами, а живущіе мгновенно измѣнятся, — вмѣсто тлѣнныхъ тѣлъ получаютъ новыя, нетлѣнныя тѣла, не могущія умереть. Непоколебимымъ основаніемъ нашей вѣры служить то, что Богочеловѣкъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, имѣвшій полное человѣческое есте-

ство, воскресъ изъ мертвыхъ и Своею смертію уничтожилъ смерть. Съ воскресеніемъ Иисуса Христа смерть потеряла свою силу. Посему то Апостоль восклицаетъ словами пророка Осіи: *смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?* (1 Кор. XV 55. Осіи XIII 14) — Теперь уже нѣтъ смерти; осталась одна смертность. Умирающіе только на неопредѣлено продолжительное время разлучаются съ своими смертными и тлѣнными тѣлами, чтобы по воскресеніи получить нетлѣнные и безсмертныя тѣла, могущія жить вѣчно. Вѣрою въ будущее воскресеніе умершихъ мы живемъ въ настоящее время, эту же вѣрою жили и ветхозавѣтные праведники.

Такъ во дни благочестиваго вождя іудейскаго Іуда Маккавея тѣла павшихъ на полѣ сраженія воиновъ были собраны для погребенія ихъ вмѣстѣ съ родными въ отеческихъ гробницахъ. Когда-же, при обозрѣніи павшихъ на полѣ сраженія, найдена была въ ихъ одеждахъ добыча отъ даровъ идольскихъ (за что они собственно и пали) *всеи іудеи, благословивши правый судъ Господень... къ моленію обратившия моливше, да сотворенный грѣхъ весьма изгладится.* А самъ Іуда Маккавей, собравъ дары истинному Богу, послалъ въ Іерусалимъ *принести за грѣхъ* (мертвыхъ) *жертву, предобръ и благочестно творя, о воскресеніи помышляя... Отону ду ше за умершихъ моленіе сотвори, яко да отъ грѣха очистятся.* (2 Макк. XII, 39 - 46). Такъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, помышляя о всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ, заботились о погребеніи умершихъ въ гробницахъ ихъ отцовъ, приносили за нихъ дары и жертвы.

При свѣтѣ новозавѣтнаго христіанскаго ученія, для насъ, христіанъ, имѣющихъ залогъ будущаго воскресенія всѣхъ людей въ воскресеніи Иисуса Христа, особенно дороги тѣла умершихъ, не только какъ храмы безсмертныхъ душъ усопшихъ нашихъ отцовъ и братій, но дороги и потому, что эти же самыя тѣла, сгнившія, разложившіяся на свои основные элементы, снова возстанутъ нетлѣнными и навсегда уже соединятся съ своими безсмертными душами для вѣчной жизни. Поэтому-то мы, христіане, прилагаемъ особенную заботу о приличномъ погребеніи своихъ умершихъ отцевъ и братій, а чадолюбивая наша мать, св. православная Церковь преподала высокочоржественный, умилительно трогательный и глубоко назидательный чинъ погребенія умершихъ, и сама ежедневно возноситъ за нихъ молитвы и насъ научаетъ тому же.

Вотъ и этотъ, по размѣрамъ маленькій, благолѣпно устроенный храмъ созданъ для отдаванія послѣдняго христіанскаго долга умершимъ, для возно-

шенія за нихъ умилостивительной безкровной жертвы. Здѣсь, въ этомъ св. храмѣ, будутъ полагаться временно тѣла умершихъ, какъ храмы Святаго Духа, обитавшаго въ душахъ ихъ при жизни. Здѣсь будутъ возноситься за умершихъ молитвы присныхъ и друзей. Темно и мрачно душевное состояніе послѣднихъ при гробѣ дорогихъ сердцу. До созданія этого храма душевный мракъ усугублялся мракомъ прежней часовни, сводъ которой давилъ, какъ могильный склепъ. Но теперь: полный свѣта храмъ, видимый ликъ Спасителя, по воскресеніи возносящагося на небо, и какъ бы отверзающаго входъ умершимъ въ обители Отца Небеснаго, видъ св. престола, на которомъ будетъ возноситься спасительная жертва какъ за живыхъ, такъ и за умершихъ, въ сердцѣ вѣрующаго будутъ разсѣивать душевный мракъ, будутъ умѣрять безотрадную его скорбь: онъ не будетъ уже скорбѣть объ умершихъ, какъ язычникъ, не имѣющій упованія, онъ незамѣтно для себя будетъ утѣшаться мыслью, что разлука съ приснымъ дорогимъ умершимъ — только временная разлука, что умершій о Христѣ, о Христѣ же и воскреснетъ для новой безконечной жизни.

Вотъ какую отраду можетъ вносить сей св. храмъ въ скорбныя души сродниковъ и друзей умершихъ. И этимъ они будутъ обязаны всегдашней благодарностію строителямъ сего храма, которые въ это святое дѣло вложили не только свои матеріальныя средства, трудъ, но и самую душу, которымъ дорогъ этотъ храмъ, какъ милое родное дитя.

Какъ главнаго жертвователя на устройство сего храма и прочихъ жертвователей, такъ и всѣхъ членовъ строительнаго комитета по сооруженію храма и изъ нихъ особенно архитектора и преимущественно осуществителя своей завѣтной, дорогой мечты прошу принять отъ меня сердечную благодарность и глубокой поклонъ.

Большое спасибо мастерамъ и рабочимъ, трудившимся при созданіи сего храма. Они не заикались не только о забастовкѣ, но и о сокращеніи рабочихъ часовъ. Работали не 10, а 12 иногда даже и 14 часовъ, работали усердно, думая только о томъ, какъ бы поскорѣе и лучше устроить храмъ.

Мало этого: они на свои трудовыя деньги приобрѣли на престолъ новаго храма семисвѣчникъ. Русское спасибо имъ. Всѣмъ прошу передать отъ меня благодарность. Святая же церковь, во все время существованія этого храма, будетъ возносить молитвы за создателей его: да благословитъ ихъ Богъ въ настоящей временной жизни, да удостоитъ ихъ деснаго стоянія по воскресеніи и сподобитъ на страшномъ послѣднемъ судѣ услышать

сей утѣшительный гласъ отъ Праведнаго Судіи: *Приидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XX № 34). Аминь.

По окончаніи литурги началось молебствіе посреди храма, причемъ маститый о. протопресвитеръ произнесъ прекрасное, полное жизни и знанія людей поученіе.

Молебствіе закончилось громогласными многолѣтіями, пропѣтыми прекрасно госпитальнымъ и любительскимъ хорами.

На Богослуженіи въ числѣ приглашенныхъ находились главный командиръ Балтійскаго флота вице-адмиралъ К. П. Никоновъ, капитанъ надъ портомъ генераль-лейтенантъ П. С. Остелецкій, начальникъ штаба порта контръ-адмиралъ И. Л. Петровъ, начальникъ морского Инженернаго училища генераль-маіоръ А. И. Пороменскій, лейбъ-медикъ В. И. Исаевъ, генераль-маіоръ въ отставкѣ Е. И. Тверитиновъ, доктора госпиталя А. Я. Добротворскій, Я. Я. Мультионовскій, П. И. Преображенскій, И. И. Медвѣдевъ, М. В. Смирновъ, В. Н. Кочетковъ, А. Л. Полѣновъ, архитекторъ Н. А. Долбинскій, подполковникъ Ф. А. Тимофѣевскій, ктиторъ храма штабсъ-капитанъ Н. С. Бутенко, созидатели храма, жертвователи и многоинтеллигентныхъ дамъ.

По окончаніи торжества въ квартирѣ главнаго доктора лейбъ медика В. И. Исаева состоялась трапеза.

А. Трифоновъ.

Панихиды надъ иновѣрцами.

Вы, г. редакторъ, желаете по этому вопросу мнѣній и другихъ лицъ¹⁾. Съ удовольствіемъ отзываюсь.

Этотъ вопросъ меня давно уже затрогивалъ за живое, и я какъ то писалъ статью въ Церковный Вѣстникъ объ этомъ, но журналъ не удостоилъ ее напечатать. Между тѣмъ вопросъ этотъ для православнаго человѣка не шуточный.

¹⁾ См. Вѣстникъ В. Д-ва 1905 г., № 23, стр. 723-я примѣчаніе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пользуясь случаемъ службы своей въ Москвѣ, я даже ѣздилъ къ митрополиту Владиміру и искалъ у него удовлетворенія мучащей меня мысли по этому вопросу, но ничего не вышло.

Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ священника о Антона Гриневича, что служить панихиды надъ иновѣрцами часто не только можно, но и *должно* для удовлетворенія религіознаго чувства православнаго человѣка, еще не отпавшаго отъ своей церкви и ищущаго въ ней часто успокоенія.

При взглядѣ же на это дѣло проф. Е. Аквилонова, — какъ бы онъ не упирался на каноническія правила, религіозное чувство православнаго человѣка не удовлетворяется и можетъ часто поколебаться.

Я расскажу, почему мнѣ потребовалось выяснитъ этотъ вопросъ. Женатъ я на православной, но отецъ жены моей былъ католикъ; когда онъ умеръ, то, по нашей же заповѣди и по нашему православному ученію, надо было молиться за отца. Но тутъ то и встрѣтились препятствія и оскорбленіе религіознаго чувства — молиться оказалось не всегда возможно.

Религіозное чувство подрывается какими то каноническими правилами и мы православные должны или оставить молиться за близкаго намъ человѣка по своему православному обряду или должны идти въ костелъ и тамъ молиться въ чужомъ храмѣ и по чужому обряду, не понимая ничего что читается и поется.

При этомъ скажу, что отецъ моей жены хотя и былъ католикъ, но онъ самъ обучалъ своихъ дѣтей первымъ православнымъ молитвамъ и никогда ничѣмъ не смущалъ ихъ съ цѣлью направить умъ ихъ въ сторону католицизма.

Въ продолженіе моей службы, по отношенію молитвы за иновѣрца, встрѣчались разные случаи, смотря по тому куда меня судьба бросала.

Бывало такъ, что закажу панихиду по своимъ усопшимъ роднымъ и вишу «Рудольфъ». Если священникъ болѣе смѣлый, или убѣжденъ, что грѣха въ моленіи за «Рудольфа» не будетъ, то онъ служитъ и произноситъ это имя *громко*, одинаково съ прочими именами, записанными на запискѣ. А иной священникъ пропуститъ это имя. Когда я спрашивалъ священника, почему онъ пропустилъ дорогое мнѣ имя «Рудольфа», вѣдь я хочу молиться и за него; то онъ говорилъ мнѣ: «мы поминали его *про себя*». А когда я замѣтилъ ему, что про себя я молиться могъ и не прибѣгая къ посредству священнослужителя, то мнѣ онъ отвѣчалъ: «знаете, въ нашей Московской епархіи очень строго это запрещено».

И дѣйствительно, когда служили панихиду въ Петербургѣ и другихъ городахъ, не Московской епархіи, гдѣ священники имѣютъ дѣло со смѣшаннымъ населеніемъ, тамъ это католическое имя поминали смѣло; а какъ только я попалъ въ Москву, такъ уже молиться за отца открыто не даютъ возможности.

Представьте себѣ положеніе мое и моей жены.

Мнѣ жаль ее, что мы, православные, какъ бы исключаемъ отца ея изъ числа близкихъ людей; а у нея, еще хуже, является невольное озлобленіе, что она не можетъ открыто помолиться за своего отца среди своей обстановки и со всѣми своими родными.

Неужели же это не противорѣчитъ нашей 4-й заповѣди «чти отца твоего», когда мнѣ не даютъ возможности хоть чѣмъ-нибудь выразить это мое почитаніе отошедшему отъ меня въ иной міръ близкому человѣку? Неужели наша миролюбивая православная Церковь не дозволяетъ молиться за душу любимаго человѣка? Неужели молитва передъ Богомъ, да проститъ Онъ прегрѣшенія моему отцу, будетъ грѣхомъ? Неужели наша Церковь, молящаяся за соединеніе всѣхъ, посчитаетъ грѣхомъ, что я помолюсь по своему, по православному обряду за близкаго мнѣ человѣка но иной вѣрѣ?

Думается, что каноническія правила это упустили или не договорили. Мнѣ кажется, что онѣ непременно даютъ какой-нибудь выводъ въ этомъ отношеніи православному человѣку: нельзя же мнѣ православному искать удовлетворенія религіознаго чувства въ чужой обстановкѣ, въ чужомъ храмѣ, въ костелѣ.

Что лучше—молиться ли мнѣ у себя, въ своей церкви, своими молитвами, своими обрядами за католика или мнѣ, православному, идти *въ костелъ* и молиться по чужому обряду при содѣйствіи иновѣрнаго духовнаго лица, о моемъ родномъ католикѣ?

Мое чувство религіозное не могло успокоиться разнообразными отвѣтами на высказанныя мною мысли. И съ тѣхъ поръ я уже избѣгаю тѣ церкви, гдѣ за католиковъ священники молиться боятся, а ищу тѣ, въ которыхъ священники имя «Рудольфа» произнесутъ *громко а не про себя* и которые думаютъ, что, отказывая мнѣ въ этой молитвѣ, они оскорбятъ во мнѣ чувство православнаго человѣка; а если у насъ съ ними и будетъ грѣхъ противъ неисполненія какого-нибудь правила каноническаго, то, все-таки, мы вѣримъ, что Господь Богъ проститъ намъ это наше прегрѣшеніе и что молитва наша не будетъ противна Ему, Который Самъ при своей

земной жизни такъ снисходилъ къ слабостямъ челоуѣка и обычаамъ окружающихъ Его.

Непремѣнно надо разрѣшить нашей доброй, всепрощающей православной Церкви молиться и за всѣхъ тѣхъ, къ кому влечетъ нашу душу. Это только возвыситъ нашу Церковь передъ другими и привлечетъ къ себѣ больше вѣрующихъ.

Развѣ запрещеніе молиться, даже воинамъ, за своего умершаго вождя генерала Гуртина, какъ то было въ Вильнѣ, непокоробило чувство этихъ войскъ. Умеръ ихъ славный начальникъ и къ тому же засвидѣтельствовавшій своимъ орденомъ св. Георгія, что онъ вѣрный слуга отечества, а отдать ему долгъ, какъ умершему, молитвой нельзя.

Вѣдь если ксендзы завѣсили образъ Остробротской Божей Матери и погасили всѣ, горѣвшія передъ нимъ, лампы, когда провозили близко тѣло умершаго такого же начальника генерала Трощаго, то оплачивать тѣмъ же дѣломъ не подходящее; наоборотъ, надо было показать, что мы не такъ нетерпимы, что наша религія лучше, добрѣе и всепрощающая и что намъ можно молиться и за католиковъ, лишь бы было желаніе. А уже это дѣло не наше—почему умершій передъ смертію не принялъ православія.

Генералъ-маіоръ П. *Малыхинъ*.

Письмо старшаго военнаго врача къ своему младшему товарищу.

(Исполненное Христовой любви и житейской мудрости).

Дорогой товарищъ, Н. Ѳ.....!

Дѣлается грустно по прочтеніи такихъ писемъ, какъ Ваше отъ 4-го ноября 1905 г.. Само собою разумѣется, что я употреблю все стараніе къ тому, чтобы Васъ вывести изъ непріятной Вамъ среды. Но, вѣдь, пока солнце взойдетъ, роса выѣстъ глаза. Поэтому позвольте мнѣ высказать Вамъ нѣсколько личныхъ соображеній и дать товарищескій совѣтъ.

Вы пишете, что офицеры отдали Вамъ визиты въ тужуркахъ, а начальникъ и совсѣмъ не удостоилъ Васъ отвѣтнымъ визитомъ на Вашъ неофициальный визитъ съ Вашей супругой. Я бы посмотрѣлъ на это такъ: Вы съ своей стороны сдѣлали все согласно приличію, принятымъ обычаямъ и Уставу гарнизонной службы. Ваши же новые сослуживцы со всѣхъ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія, конечно, оправдываемы быть не могутъ, кромѣ начальника, которому по его почтеннымъ лѣтамъ и множеству занятій можно все это и простить. Но Вамъ, какъ врачу, не слѣдовало бы этимъ обстоятельствамъ придавать большое значеніе, такъ какъ Ваши сослуживцы своимъ поведеніемъ роняютъ не Васъ, а себя. Все таки, какъ Вы сами говорите, Вы «вошли у нихъ въ моду», т.-е. что они оцѣнили Васъ, какъ врача, по достоинству. Что же касается выслушанной Вами укоризны со стороны женщинъ, то этого рѣшительно не стоило бы принимать къ сердцу, ибо одна изъ нихъ мать, да еще страдавшая (а, можетъ быть, еще и теперь страдающая) душевною болѣзнію, а горячилась она изъ за болѣзни своихъ дѣтей—ея неоцѣнимаго сокровища. Истерическій крикъ матерей есть тѣ же слезы, только въ грубой формѣ, соотвѣтствующей личному характеру и воспитанію. А о материнскихъ слезахъ нужно припомнить слова Некрасова:

Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы
То слезы бѣдныхъ матерей.

Другая, вѣроятно, истеричная. Скажу Вамъ откровенно: отъ такихъ особъ не мнѣ одному приходилось получать то поцѣлуи, то толчки и я былъ равнодушенъ и къ тому и къ другому; а о крикахъ и говорить нечего. Приготовьтесь и Вы ко всему въ жизни. На то Вы и врачъ, а въ практической дѣятельности Вы еще не то встрѣтите. Будутъ Васъ не только злословить, но и отрицать всякія Ваши достоинства. Что касается взгляда одного изъ Вашихъ сослуживцевъ на необходимость предупредительной дѣятельности врачей, то онъ былъ бы правъ, если бы врачей было побольше. Безспорно, что полезнѣе предупреждать болѣзни, чѣмъ лечить ихъ. Но въ этомъ каждая семья должна сама помогать врачу. Онъ для нея долженъ быть другомъ, своимъ человѣкомъ и не столько лечителемъ, сколько терпѣливымъ и умнымъ учителемъ. Но до этого еще не все наше общество выросло и, конечно, при настоящемъ числѣ врачей, никто не можетъ требовать отъ Васъ, чтобы Вы ежедневно являлись въ семью офицера только для опроса о состояніи здоровья. Но дѣлать это изрѣдка полезно и въ вы-

сокой степени благотворно. Если же Вы будете слишкомъ взыскательны къ пациентамъ, то нигдѣ не уживетесь и не приобретете обширнаго круга почитателей, какъ бы Вы умны, образованны и опыты ни были. Наше врачебное служеніе есть служеніе, основанное на любви къ страждущему человѣку — нашему ближнему, служеніе Христово и Апостольское. Оно есть то иго, которое благо, и то бремя, которое легко (Матѳ. гл. 11, ст. 30), бремя, которое мы добровольно приняли на себя, какъ ученики Христовы. А Христось Господь, посылая учениковъ на дѣло любви — исцѣленія болящихъ, не предсказалъ имъ радостей и наслажденій въ жизни. «Се Азъ посылаю вы», сказалъ Онъ, «яко овцы посредѣ волковъ, предадутъ бо вы на сонмища и на сборищахъ ихъ бѣютъ васъ. Будете ненавидимы всѣми имене Моего ради». Поэтому Онъ совѣтовалъ имъ быть мудрыми, какъ змѣи, и невинными, какъ голуби (Матѳ. гл. 10, ст. 16, 17, 22). И святые Апостолы въ точности исполняли волю своего Учителя и Господа. Исцѣляя недуги людскіе (Дѣян. гл. 19, ст. 12 и гл. 28, ст. 9), они безропотно переносили всякія лишенія и огорченія, какъ свидѣтельствуеть о томъ Св. Ап. Павелъ: «до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками; укоряеми благословляемъ, гоними терпимъ, хулими утѣшаемся (молимся); якоже отребѣ міру быхомъ, всѣмъ поправіе доселѣ (1 Кор., гл. 4, ст. 11, 12, 13). Все переносимъ, дабы не поставитъ какой преграды благовѣствованію Христову» (1 Кор. гл. 9, ст. 12).

Если все сказанное покажется Вамъ слишкомъ идеальнымъ и неприложимымъ къ жизни, то я долженъ буду подтвердить изложенное наблюденіями именно надъ практической жизнью. Практикующіе и клиническіе врачи подають намъ собою живой примѣръ. Съ какими разнообразными и сильными заразами они сталкиваются! Со сколькими ядами они обращаются: однако не всѣ же умирають. Видимо, что на нихъ исполняются слова нашего Первообраза — Врача душъ и тѣлесъ (главная молитва въ таинствѣ елеосвященія) — Христа Спасителя: аще и что смертное испіють, не вредитъ имъ (Марка гл. 14, ст. 16). Практиковалъ и я тридцать лѣтъ, да притомъ почти исключительно среди нищеты. Здѣсь я часто у постели больныхъ встрѣчался съ истинными преемниками апостольскаго служенія — пастырями Церкви. При этомъ я всегда находилъ, что ихъ служеніе недугующему человѣчеству совершенно одинаково съ нашимъ служеніемъ, что мы

служимъ лишь дополненіемъ другъ къ другу, вслѣдствіе чего очень часто припоминались мнѣ слова Некрасова, вложенныя въ уста священника:

Дороги наши трудныя,
 Приходъ у насъ большой.
 Боляшій, умирающій,
 Рождающійся въ міръ
 Не избираютъ времени:
 Въ житво и въ сѣнокосъ,
 Въ глухую ночь осеннюю,
 Зимой въ морозы лютые
 И въ половодье вешнее
 Иди,—куда зовутъ.
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одна!
 Нѣтъ! всякій разъ наместя
 Переболитъ душа.
 Не вѣрьте, православные,
 Привычкѣ есть предѣлъ:
 Нѣтъ сердца, выносящаго
 Безъ нѣкотораго трепета
 Предсмертное хрипѣніе,
 Надгробное рыданіе,
 Сиротскую печаль.

Не правда ли, какъ это похоже на положеніе врача, пользующаго больныхъ, да еще безъ надежды и успѣха! Такъ приходится страдать даже намъ, чужимъ для больного, и мужчинамъ. Женщины же, на которыхъ Вы такъ разгнѣваны, страдаютъ неизмѣримо больше насъ и, потому, заслуживаютъ не только всепрощенія, но и глубокаго состраданія. Къ какому бы сословію онѣ не принадлежали, по самой природѣ своей и по существу своего положенія, онѣ всегда сохраняютъ тотъ обликъ, который далъ имъ тотъ же Некрасовъ. Припомните, что онъ говоритъ о нихъ:

Деревни наши бѣдныя,
 А въ нихъ крестьяне хворые,
 Да женщины—печальницы,
 Кормилицы, поилцы,
 Рабыни, богомолицы
 И труженицы вѣчныя.
 Господь! прибавь имъ силъ!

Да, именно надо молиться, чтобы Господь прибавилъ имъ силъ и хранилъ ихъ ради дѣтей и вообще ради потомства. Повторяю: въ какомъ бы званіи

и состоянїи женщина ни была, мать ли она, сестра ли, или знакомая, богатая, или бѣдная, — ея удѣлъ сострадать ближнему. Припомните Марію Магдалину. Она была только ученица Іисуса Христа; однако не только при жизни Его, но и по смерти болѣла за Него душею. Не смотря на темноту южной ночи и утреннїй холодъ, она одиноко пошла ко гробу и тамъ облегчала наболѣвшее свое сердце горькими слезами до самозабвенїя; якоже плакашеса, причне во гробъ (Іоан. гл. 20, ст 11). Сколько тутъ сказалось состраданїя и любви къ уважаемому человѣку! У матери, или родственницы можетъ быть страданїй еще больше. Какъ же не прощать женщинѣ, если она подъ вліяніемъ изстрадавашагося сердца выскажетъ свою любовь къ родному въ формѣ укоризны или упрека постороннему лицу, выльетъ свое страданїе иногда въ грубой формѣ: вѣдь, не всѣ одинаково воспитаны. На томъ же понятїи о недостаточной воспитанности людей можно созидать рѣшимость на прошенїе обидѣ и мущинамъ. Обидчивость и вообще есть проявленїе малодушія, душевной скудости.

Да не будетъ же этого среди насъ — врачей! Будемъ молиться, чтобы Божественная благодать, ниспосланная намъ чрезъ Врача душъ и тѣлесъ, Христа Спасителя, благодать, всегда немощное врачующая и оскудѣвающее восполняющая, восполнила и насъ самоотверженною любовію Христовою. А эта любовь научитъ насъ въ нашей практикѣ самому необходимому: любви долготерпѣть, милосердствовать, не завидить, не превозносится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любить, всему вѣру емлетъ, вся уповаешь, вся терпѣть, и, что главное, только любви созидаетъ (1 Кор. гл. 8, ст. 1 и гл. 13, ст. 4), а не разрушаетъ.

Не разнѣвайтесь на меня за это письмо, если взгляды мои не сходны съ Вашими. Въ свое оправданїе могу сказать только то, что эти взгляды высказаны по лучшему моему разумѣнію и отъ сердца искренно Вамъ благожелательнаго.

Вашъ товарищъ В. К.

16-го ноября 1905 г.

Дневникъ полкового священника, служащаго на Дальнемъ Восто-
стокѣ, обнимающій время со дня его туда отправленія.

(Продолженіе). 1)

15—24-е декабря (1904 г.).

Съ какимъ воодушевленіемъ всѣ эти дни готовились мы къ встрѣчѣ великаго праздника Рождества Христова! Мечтали служить всенощное бдѣніе, св. литургію; приобрѣли молодыя сосенки вмѣсто елокъ. Заготовили праздничную провизію... Вотъ уже 23-е декабря. Завтра сочельникъ, рѣшили всѣ попоститься. Вдругъ всѣ мечты, всѣ приготовленія разлетѣлись впрахъ. Пришелъ приказъ главнокомандующаго выступить полку утромъ 25-го декабря въ полномъ составѣ и присоединиться къ отряду Мищенко. Это, значить, мы идемъ въ набѣгъ, во флангъ, будемъ впереди всей арміи. Приказано изъ вещей захватить только самое необходимое, остальной обозъ оставить; главное же взять побольше патроновъ: по 200 штукъ на каждомъ солдатѣ и по 24000 въ каждой патронной двуколкѣ. Засуетились, забѣгали солдатики; пошла чистка амуниціи и всего снаряженія; ну, значить, рушилось все: нужно готовиться въ походъ.

Какъ преобразилась пустынная станція Суятунь! Теперь тамъ масса путей, поѣздовъ, лазаретовъ, палатокъ, интендантскихъ грузовъ, солдатъ, офицеровъ; выгружаютъ осадныя орудія, прокладываютъ легкую желѣзную дорогу для перевозки тяжелыхъ снарядовъ, пушекъ. Вездѣ солдатики метутъ соръ около своихъ землянокъ, втыкаютъ въ землю сосенки, вѣшаютъ на нихъ красныя и синія бумажки; однимъ словомъ, всѣ готовятся къ празднику, а мы... въ походъ! Что дѣлать? Послушаніе, исполненіе долга прежде всего. Наступилъ вечеръ; я окончилъ приготовленія. Изъ 3-го эскадрона мнѣ прислали смирную лошадку; подковали ее на зимнія подковы; въ кобуры сѣдла положилъ чай, сахаръ, колбасу, сало, полотенецъ, три перемѣны бѣлья, облаченіе—ризу и епитрахиль, св. Дары и крестъ на мнѣ; бурку привязалъ къ сѣдлу, и готово! Остальной обозъ или подойдетъ послѣ, или мы, окончивши свое предпріятіе, вернемся назадъ. Всѣ ѣдемъ верхами. Слава Богу, полкъ будетъ дѣйствовать весь вмѣстѣ. Опасное, трудное дѣло предстоитъ, но очень нужное и полезное для арміи. Потрудимся!... Когда

1) См. «Вѣстникъ Воен. Дух-ва» за 1906 г. № 1, стр. 28.

заблестали звѣзды, я вышелъ гулять, чтобы хотя мысленно пережить тѣ св. чувствованія, что бывало въ это время переживалъ въ Орлѣ. Грустно стало на душѣ: лишены молитвы. Со стороны позицій доносится дружное пѣніе «Рождество Твое, Христе Боже нашъ». Ярко пылаютъ костры. И японцы не остались въ долгу — освѣщаютъ насъ прожекторами: иллюминація! А наши солдатики работаютъ, укладываются. Игакъ, завтра утромъ уходимъ. Благодарю, Боже, а теперь нужно полежать на кровати. Портъ-Артуръ палъ вчера. Давно уже мы этого ожидали. Спасибо героямъ: долго они намъ помогали. Мы идемъ дней на десять или, самое большее, недѣли на двѣ.

25-е декабря.

Сегодня выступать въ боевой походъ, набѣгъ на г. Инкоу; въ 10 час. утра уходимъ. Я всталъ еще до свѣта: нужно привести въ порядокъ остающіяся здѣсь вещи и хотя немного поприбавить; вѣдь, Рождество Христово наступило! Умылся. Досталъ св. Дары, епитрахиль и пошелъ на ледъ нашей Невы. Звѣзды еще ярче блестятъ. Въ Россіи въ такое время несутся гулы колоколовъ, уже прославили родившагося Спасителя, а здѣсь тишина мертвая, даже пушки молчатъ. Японцы прислали письмо, поздравляютъ съ праздникомъ и даютъ слово сегодня весь день не стрѣлять, если и мы сдѣлаемъ то же. Кажется, обѣ стороны выполнили условіе, и день прошелъ мирно. Выбралъ на льду чистое мѣстечко, поставилъ св. Дары и приобщился. Что-то подступило къ горлу: волненіе положительно душило. Отпраздновалъ. Вѣрно ужъ такая наша доля, что, какъ большой праздникъ, такъ намъ походъ или бой. Впрочемъ, слава Богу за все, Ему такъ угодно. Возвратился въ фанзу; наши встали, собираются. Позвалъ Михаила и отпѣли краткій молебенъ; поздравили другъ друга. Затѣмъ съ Михаиломъ «пошли до приходу»: были въ 1-мъ и 4-омъ эскадронахъ, въ штабѣ бригады, полка у корпуснаго командира. Вездѣ пѣли краткіе молебны. Въ 9 час. вернулся я, напился чаю, закусилъ и въ походъ. Я надѣлъ на себя двѣ фуфайки, мѣховую безрукавку, лисій подрясникъ, теплые сапоги, папаху; она же и подушка. Ксенофонтъ остается съ вещами въ нашей фанзѣ, Михайло на «другъ» со мной. Всѣ одѣлись. Пріѣхалъ взводъ драгунъ за штандартомъ. Помолитесь. Благословилъ я нашего «дѣдушку» — штандартъ, командира полка, адъютанта и сѣлъ на свою лошадку. Вынесли штандартъ, раздалась команда, блеснули шашки на «караулъ», привѣтствуя «дѣдушку», и мы

тронулись. Что-то дастъ Богъ?! вернемся-ли? Вѣдь идемъ въ тылъ огромной японской арміи, и задача — дойти до самаго Инкоу. Я проѣхалъ по фронту и благословилъ своихъ воиновъ на новые труды. Прежде всего нужно проѣхать семь верстъ до дер. Эль-тхай-цзы, тамъ соединиться съ 52 драгунскимъ Нѣжинскимъ полкомъ и далѣе слѣдовать къ ген. Мищенко. Нашъ отрядъ большой: девять полковъ казаковъ, сотня пограничниковъ, двѣ сотни пѣхотныхъ охотниковъ на коняхъ, наша бригада, Приморскій драгунскій полкъ и 36 пушекъ съ прислугою на коняхъ. Отрядъ раздѣленъ на три колонны: 1) казаки подъ командой ген. Тевяшева, 2) казаки и охотники подъ командой ген. Абрамова; при этой колоннѣ ѣдетъ и самъ Мищенко, 3) наша бригада, Приморскій драгунскій полкъ и сотня пограничниковъ подъ командой ген. Самсонова. Артиллерию раздѣлили тоже на три части, при чемъ въ нашу колонну вошли: 20-ая конная батарея и полубатарея «поршневая», т. е. стрѣляющая гранатами, а не одной шрапнелью. Въ нашей 3-ей колоннѣ священникомъ оказался я одинъ на всѣхъ, такъ какъ священники Нѣжинскаго и Приморскаго полковъ по нездоровью не могли сопровождать свои полки въ походѣ. Ыдемъ. Солнце ярко свѣтитъ и такъ грѣетъ, что жарко въ сѣдлѣ: «не декабрь, а апрѣль сейчасъ», говорятъ офицеры. Безвѣтріе полное и тучи пыли. «Вотъ такъ угощеніе намъ на праздникъ», шутятъ солдатики: «пыли наглотаемся досыта». Вездѣ шутки, остроты; всѣ рады дѣлу, бодры, будто ѣдутъ не на битву; а на веселый пиръ. Я въѣхалъ въ строй 4-го эскадрона, сталъ въ ряды и ѣду съ солдатами: «не робѣй», говорю: «братцы! я съ вами; буду молиться за васъ; кого ранять или кто заболѣетъ, приобшчу вотъ видите св. Дары на мнѣ? Кто умретъ героемъ въ честномъ бою, отпою погребеніе: не зароемъ какъ-нибудь». «Умирать одинъ разъ въ жизни», говоритъ мой сосѣдь Архиповъ изъ запасныхъ: «отъ могилы не уйдешь все равно, а умирать въ бою это дѣйствительно хорошо. Что жъ? дай Господи!» «Да ты, вѣрно, семейный»? спрашиваю я его: «развѣ тебѣ не жаль родныхъ?» «Что жъ, батюшка, жалѣть? Богъ имъ дастъ силу: перетерпятъ; къ тому же на каждого ѣдока Государь теперь даетъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ: прожить можно, за то душѣ спасеніе». Ыдемъ, бесѣдуемъ; я какъ то сразу примирился съ пылью: ничего, дышу, даже разговариваю и, насколько утромъ волновался, настолько же теперь, когда уже поѣхали, успокоился. Буди воля Божія надъ нами!

Благополучно прибыли въ дер. Эль-тхай-цзы. Нѣжинскій полкъ уже стоитъ въ строю. Подошли мы и выстроились такъ, что оба полка стали

лицомъ другъ къ другу. Вдали показалось облако пыли: ѣдетъ командиръ корпуса ген. Бильдерлингъ прощаться съ полками. «Смирно!» загремѣло въ бригадѣ. Генераль объѣхалъ пѣлки, благодарилъ за прекрасную службу и, пожелавъ новыхъ успѣховъ, поздравилъ съ походомъ. Сблизились полки, выѣхали впередъ штабарты, ассистенты открыли жалованныя иконы; я и Михаилъ сошли съ коней, достали изъ кобуръ ризы и, обернувшись на востокъ, запѣли молебенъ. Солдаты оставались на коняхъ. Не могу выразить состояніе души, когда раздалось дружное пѣніе «Рождество Твое, Христе Боже нашъ» и «Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ»... Можете представить чувства молящихся, съ которыми они прославляли родившагося Спасителя, отправляясь на такое страшно опасное дѣла?! Да, отъ души молились, прося у Господа помощи на предстоящіе боевые труды. Окончился молебенъ; я благословилъ оба полка и сейчасъ же тронулись въ дальнѣйшій походъ. Ко мнѣ подъѣхалъ Поля, и все время до вечера мы ѣхали съ нимъ рядомъ. «Какъ хорошо, что вы съ нами, батюшка», слышу голосъ подполковника Образцова, нагнавшего меня: «вы благословили насъ, съ молитвой мы начали походъ — такъ пріятно! Съ благословеніемъ Божиимъ и сражаться, и страдать, и умирать легко!» Пыль невообразимая; боюсь за глаза.

Ѣдемъ среди необозримыхъ полей Маньчжуріи, точно казаки Тараса Бульбы. Мѣрно покачиваются солдаты въ сѣдлахъ; храпятъ и фыркаютъ кони, горячатся. Уходятся родные: вѣдь впереди добрыхъ 400—500 верстъ туда и обратно!

Дер. Суху-дяпу, резиденція ген. Мищенко. «Эскадроны, строй взводы!» раздается голосъ командировъ полковъ, и бригада стала въ резервной колоннѣ, а я на лѣвомъ флангѣ полка на своемъ длинноухомъ «китайцѣ». Скачетъ ген. Мищенко съ конвоемъ. Снова «смирно!», снова шашки блеснули, и ясно, на весь полкъ, раздался голосъ генерала: «здорово, славные драгуны Черниговцы! Съ праздникомъ васъ поздравляю! Главнокомандующій берегъ васъ это время, а теперь посылаетъ на славную работу во славу Царя батюшки и отчины. Увѣренъ, что работать будете молодцами!» «Покорнѣйше благодаримъ и рады стараться», энергично загремѣло въ отвѣтъ на чисто русскую рѣчь генерала. А онъ уже несется по фронту съ шашкой наголо и съ Георгіемъ на груди. Подскакалъ къ моему флангу, вызвалъ меня передъ фронтъ, принялъ благословеніе и попросилъ молитвъ. Мы снова въ путь. Проѣзжаемъ массу деревень; разоренія здѣсь нѣтъ, все цѣло и

всего много: гаолянъ, чумиза, куры, поросята... Насъ встрѣчаютъ массы китайцевъ, кричатъ намъ «шанго, русскій солдатъ!» А гдѣ есть китайскіе солдаты, то, завидя полки, они сейчасъ же выстраиваются и отдають честь. Мы бесѣдуемъ съ Полей о томъ, что-то теперь подѣлываютъ наши родные. И не подозрѣвають они, что мы сейчасъ въ походѣ. Вѣроятно, они идутъ въ церковь или уже пришли, и Иванъ Арс. со сливочками попиваетъ чаекъ, немножко повкуснѣй нашей пыли. Смѣемся. Въ 5 час. вечера прибыли въ дер. Син тай-хе, совершенно не имѣя отъ пыли подобія человѣческаго; здѣсь ночлегъ. Намъ отвели большую фанзу, и я раздѣлся, т.-е. снялъ на время подрясникъ, чтобы выбить изъ него пыль. Скорѣе мыться. Мы хотѣли занять всю фанзу, но китайцы привели меня и адъютанта на лѣвую половину и убѣдительно просятъ, чтобы эту часть фанзы оставили имъ. На канѣ лежитъ больная старуха; указывая на нее, они говорятъ: «бабушка лсмайло, китайза сыпи сыпи». Вокругъ масса дѣтишекъ; конечно, жаль ихъ стало, и мы всѣ, т.-е. штабъ бригады и нашъ штабъ, помѣстились въ одной половинѣ. Михаилъ принесъ мнѣ гаолянъ, положили его на канъ, сверху бурку, подъ голову плащъ и папаху — вотъ и постель. Стеннѣло; вѣстовые вскипятили походный «элексиръ», чай, и мы буквально ожили. Я вышелъ на дворъ. Деревья въ огнѣ, будто пожаръ: такъ много костровъ; небо еще чернѣе, звѣзды еще ярче. Однако нужно ужинать и вмѣстѣ обѣдать. Достали холодныя котлеты, сало, колбасу и праздничную роскошь — двухъ жаренныхъ фазановъ и, какъ подобаетъ добрымъ людямъ въ такой праздникъ, наконецъ потрапезовали. Поздно вечеромъ приѣхалъ ген. Самсоновъ, и въ нашей фанзѣ состоялся военный совѣтъ. Слабо мерцала свѣча; дымъ отъ кановъ наполнялъ фанзу и ѣлъ глаза. Склонившись надъ столомъ, сидѣли и стояли генералы, командиры полковъ, офицеры; предъ ними карты мѣстности, по которой идемъ; они совѣщаются. На другомъ столѣ офицеры спѣшно чертятъ карты. Я сижу на своемъ гаолянѣ и наблюдаю эту оригинальную и въ своемъ родѣ прекрасную картину. Улеглись въ 12 часовъ. Долго не могъ я сомкнуть глазъ. Если только на мгновеніе поставить себя на наше мѣсто, то, конечно, будетъ понятна причина бессонницы; къ тому же ночь морозная, и солдаты у костровъ всю ночь шумѣли. Забылся часа на три. Слава Богу, первый день похода прошелъ благополучно.

26-е декабря.

Солдаты всю ночь не спали: морозно; просидѣли они у костровъ. Выслали впередъ разъѣздъ отыскать хорошую переправу черезъ р. Хун-хе.

Въ 11 час. утра подошли къ рѣкѣ, и началась переправа. Что это за картина?! Солнце только восходило, и полнеба окрасилось оранжевымъ цвѣтомъ. Прибрежный тростникъ, деревни, деревья—все покрыто инеемъ. Тихо, ни души; только всадники одинъ за другимъ, ведя въ поводу коней, переходятъ рѣку. Осторожно ступаютъ лошади по льду, нѣкоторыя падаютъ. Наконецъ догадались посыпать ледъ пескомъ, и переправа сразу ускорила. На томъ берегу собралась вся наша колонна; подъѣхалъ ген. Самсоновъ, поздоровался, и мы отправились дальше. Уже выходимъ изъ своей линіи и начинаемъ заходить въ тылъ японцамъ. Теперь нужно быть очень осторожными: кромѣ японцевъ здѣсь масса хунхузовъ.

Порядокъ движенія колонны таковъ. Впереди авангардъ, два эскадрона; за ними въ двухъ верстахъ главныя силы колонны и въ двухъ верстахъ сзади арьергадъ, одинъ эскадронъ. По бокамъ колонны, въ полуверстѣ отъ нея, ѣдутъ дозорныя отъ каждаго эскадрона, это — шупальцы войска; они зорко осматриваютъ окрестности и особенно деревни, такъ что напасть на колонну въ походѣ врасплохъ невозможно. Двигаемся безъ дорогъ, прямо по полямъ сжатаго гаоляна.

Пыль снова невообразимая, и мы всѣ сразу поѣдѣли. Во второмъ часу дня проѣхали дер. Сыфонтай, и раздалась желанная команда: «стой, слѣзай!» Привалъ до 4-хъ час.; пройдено 25 верстъ; можно закусить. Съ какимъ удовольствіемъ ѣли мы сало и колбасу, выразить невозможно! Вскипятили чайку изъ сомнительной водицы; колодцевъ близко нѣтъ, а замершая лужа рядомъ; вотъ изъ нея-то и взяли воду. Ничего, прошло благополучно. Въ 4 часа заколыхались колонны: драгуны, казаки, пушки, пики, штандарты—все перемѣшалось и въ общемъ составило грандіозную картину. Проѣхать нужно еще 20 верстъ. Скоро солнце сѣло, и мы ѣдемъ при свѣтѣ звѣздъ и молодой луны.

Въ 9 час. пріѣхали въ дер. Тун-хуан-ди. Ночлегъ. Слѣзъ я съ лошади и прямо сѣлъ на землю: ноги подкосились, усталъ; дальше втянусь, конечно. Сегодня ночью нашъ полкъ занимаетъ сторожевое охраненіе, т.-е. выдвигается впередъ версты на четыре отъ главныхъ силъ и цѣпью окружаетъ всю колонну. Это самая трудная, опасная и отвѣтственная обязанность. Деревню, въ которой мы остановились, сейчасъ же оцѣпили часовыми, которые безъ пароля никого ни впускали, ни выпускали. Фанза досталась до отвращенія грязная; на полъ набросанъ, очевидно, нарочно навозъ и зажженъ, чтобы мы не могли въ ней остаться. Конечно, солдаты

зэтоптали огонь, и мы водворились, накашлявшись и наплакавшись отъ дыма. Разсѣдывать коней не приказано, костровъ разводить тоже. На канѣ оказалась набросанная чумизная солома. Я такъ усталъ, что и объ опасности забылъ: бросился на эту солому и сейчасъ же уснулъ. Ночью нѣсколько разъ просыпался. Наши почти не спали, такъ какъ очень часто приходили донесенія изъ сторожевыхъ эскадроновъ. Между прочимъ 4-й эскадронъ захватилъ въ эту ночь двухъ хунхузовъ.

27-е декабря.

Въ 5 час. подали кипятокъ, и мы отогрѣлись. Пришла отъ генерала Самсонова диспозиція на сегодняшній день; въ 7 час. выступили. 4-й эскадронъ донесъ, что встрѣтилъ ночью японскій развѣздъ, а хунхузы только что ушли; ихъ здѣсь было очень много подъ командой японскихъ офицеровъ. Часовъ до 10-ти было довольно прохладно, затѣмъ потеплѣло, и маленькій вѣтерокъ отгонялъ пыль въ сторону; ѣхать хорошо. Въ 11 час. подошли къ рѣкѣ Ляо-хе. Ледъ какъ зеркало. Наученные опытомъ люди послѣзали съ коней и прежде всего засыпали ледъ пескомъ, такъ что переправились быстро. За рѣкою началась мѣстность, совершенно не тронутая войною: обиліе жизненныхъ припасовъ у жителей поражало. По полямъ вездѣ работаютъ китайцы, выкапываютъ гаолянные корешки для топки. Въ деревняхъ уже встрѣчаютъ насъ молчаніемъ; никто не знаетъ русскаго слова. Въ этихъ мѣстахъ раньше насъ бывали только японскіе развѣзды да хунхузы. Во время пути раза три останавливались на 10 минутъ дать передохнуть конямъ. Въ 1 часъ дня сдѣлали приваль. Только что наскоро закусили и хотѣли пить чай, какъ вдругъ команда: «къ конямъ! садись!» Опрокинули солдаты котелки, не пивши; вылили денщики нашъ чай на пашню, и всѣ бѣгомъ къ лошадямъ. Снова двинулись мы. Въ 4 часа на горизонтѣ съ японской стороны взвился черный столбъ дыма. Это сигналъ; очевидно, насъ замѣтили. Теперь нужно быть крайне осторожными; вѣдъ мы почти на высотѣ Ляояна. Около 6-ти час. пришли въ деревню Талянпузу и въ ней остановились на ночлегъ. Сейчасъ же разставили часовыхъ и на случай тревоги назначили сборный пунктъ. Намъ отвели фанзу богатаго китайца. Каны топлены, теплые, и хозяинъ оказался очень любезнымъ: принесъ мнѣ одѣяло подостлать, маленькую подушечку, набитую... пескомъ, и метелочку почистить подрыснιά. При помощи переводчика онъ сообщилъ,

что здѣсь недавно были 200 хунхузовъ и 20 японцевъ: пріятное извѣстіе! Купили трехъ куръ по 50 коп. за каждую, и черезъ два часа мы отлично поужинали. Вообще приняли насъ очень радушно. Легли, конечно, не разлѣваясь, прямо на канахъ.

28-е декабря.

Сверхъ ожиданія ночь прошла покойно, и въ 6 час. утра мы выступили въ дальнѣйшій путь. Погода и пыль прежніе. До 11-ти часовъ шли благополучно; только очень стѣсняли часто встрѣчающіеся огромные валы, переходить которые довольно трудно. За рѣкою Ляохе почти каждая деревня не только сама окопана глубокой канавой, но и земельные участки всей общины окружены высокимъ валомъ. Съ одного изъ валовъ завиднѣлась деревня, и къ ней покойно подвигалась колонна генерала Абрамова. Ясно были видны полки казаковъ, пики, флюгера. Вдругъ «трахъ, трахъ, трахъ». Загремѣли выстрѣлы, и изъ деревни посыпались на казаковъ пули. Заскакали дозорные, выѣхала на позицію конная батарея, и наши пушки загрохотали. Надъ всей деревней стали показываться бѣлые дымки—разрывались снаряды. Мы подошли почти рядомъ къ той колоннѣ и слѣзли съ коней. По сигналу канонада сразу прекратилась, и на нашихъ глазахъ казаки понеслись въ атаку на деревню. Первый разъ въ жизни я видѣлъ боевую атаку конницы. Это что-то ужасное и вмѣстѣ красивое. Черезъ полчаса все было кончено. Непріятеля выбили, и японцы съ хунхузами бѣжали. Привезли убитыхъ и раненыхъ; между ними одинъ раненый хунхузъ. Я пошелъ на перевязочный пунктъ, но приобщить никого не пришлось, такъ какъ всѣ наши раненые (пять человекъ) изъ Терско-Кубанскаго полка, магнетане. Объявили привалъ всему отряду; нашъ же полкъ выслали осмотрѣть впереди мѣстность. Проѣхали мимо деревни, изъ которой только что выбили японцевъ; снаряды зажгли ее, и деревня пылала. Въ 3 часа перешли какую-то узкую, но съ очень крутыми берегами рѣку. Здѣсь насъ немного задержала артиллерія, такъ какъ пушки спускали на лямкахъ. Я ѣду съ 6-мъ эскадрономъ; подходимъ къ деревни Амабельчуллъ; смотрю на дозорныхъ; они уже поровнялись съ первыми фанзами; вдругъ сразу дозоры карьеромъ понеслись: тревога! Генералъ Самсоновъ остановилъ колонну, построилъ полкъ нашъ въ боевой порядокъ и послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Доложили, что въ деревнѣ засѣли полторы роты японской пѣхоты и эскадронъ драгунъ. Генералъ приказалъ нашему первому эскадрону подойти къ деревнѣ и лавой пронестись по ней. Благословилъ я издали

эскадронъ. Какъ на ученье, пошли драгуны. Вотъ они уже подходятъ, разсыпались, сейчасъ понесутся. Мы впились въ нихъ глазами; сердце прямо колотилось въ груди, и мурашки бѣгали по тѣлу. Наконецъ взвилась туча пыли, и эскадронъ понесся, а съ другой стороны неслась сотня казаковъ. Вотъ наши уже въ лѣсочкѣ... рубятъ... Кончилась атака. У казаковъ оказались убитые и раненые; нашихъ же Господь сохранилъ; только убили трехъ лошадей, да у многихъ солдатъ прострѣлили сѣдла и шинели. Раздается команда: «два орудія на позицію», и началось обстрѣливаніе деревни залпами. Стеннѣло. Остатки японцевъ засѣли въ каменномъ ханшинномъ заводѣ и сдаться ни за что не хотѣли. Мы стояли такъ близко къ мѣсту боя, что нѣсколько пуль просвисало надъ нашими головами; поэтому генераль Самсоновъ отвелъ колонну немного далѣе, а деревню приказалъ взять и окончательно выбить оттуда непріятели. Для этой цѣли кромѣ казаковъ былъ посланъ эскадронъ 52-го Нѣжинскаго полка въ нѣшемъ строю. Завязалась сильная ружейная перестрѣлка; деревня сразу загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Японцы отчаянно защищались всѣмъ, чѣмъ можно, и даже бросали ручныя гранаты. Потрясающее зрѣлище было передъ глазами: огромный пожаръ среди темноты самъ по себѣ наводитъ ужасъ; но если къ этому прибавить сознаніе, что тамъ, при свѣтѣ этого пламени, происходитъ смертный бой, то какими словами можно изобразить тогда душевное состояніе зрителя?! Къ тому же только какія либо полверсты раздѣляли насъ отъ этой несчастной деревни. Я и стоялъ, и ходилъ, стараясь не смотрѣть туда; но черезъ минуту совершенно невольно взоры опять приковывались къ зловѣщему пламени. Наши 5-й и 6-й эскадроны подъ командой подполковника Букрѣва поѣхали тоже къ Амабельчуллѣ...

Къ 10-ти часамъ деревню окончательно наши взяли, и только немногіе изъ японцевъ, благодаря темнотѣ, спаслись. Въ Нѣжинскомъ полку одинъ офицеръ контуженъ, три солдата убито и девять ранено; нашихъ Богъ миловалъ. Только въ 1 часъ ночи мы добрались до ночлега и какого? Двѣ скверныя фанзы на весь полкъ; воды ни капли. Такъ, не пивши и не ѣвши, переутомленные, повалились мы на канъ цѣлой кучей, почти одинъ на другомъ, а нѣкоторые легли на китайскихъ шкапахъ, на полу и моментально захрапѣли.

29-е декабря.

Встали въ 5 час. утра. Воды нѣтъ; такъ лошади и мы принуждены испытывать жажду. Тяжело! 3-й эскадронъ ушелъ авангардомъ. Черезъ

часть должны тронуться всѣ. Только я сѣлъ на лошадь, какъ подають записку отъ командира Нѣжинскаго полка: «Усердно прошу прибыть въ полкъ совершить погребеніе трехъ убитыхъ вчера нижнихъ чиновъ моего полка, отдать послѣдній христіанскій долгъ усопшимъ героямъ. Полковникъ Стаховичъ». Конечно, съ Михайломъ сейчасъ же поѣхали; это въ той же деревнѣ, только на другомъ концѣ. Подѣхали къ фанзѣ командира полка. Рядомъ солдаты роютъ могилу, одну на троихъ. Промерзла земля, не поддается лопатѣ; но усердіе товарищей, не желающихъ оставить трупы непогребенными, преодолѣло все, и могила, хотя и неглубокая, готова. Принесли убитыхъ и положили рядомъ на мерзлую травку. Окровавленная одежда, лица съ запекшеюся кровью... Господи, какой ужасъ! одинъ поднималъ руку къ небу, будто зоветъ оттуда кого-то; другому въ голову попала ручная граната, и вмѣсто лица образовалась одна замерзшая кровавая масса. Лицомъ положили къ востоку; и, только что началъ я погребеніе, какъ стало всходить солнышко и лучами своими обласкало, привѣтствовало почившихъ героевъ. Служу. Вокругъ стоятъ солдаты, офицеры, командиръ полка, часто становятся на колѣни, и слезы, искреннія братскія слезы, у нѣкоторыхъ катятся изъ глазъ. Трудно не плакать въ такой обстановкѣ! Кончилъ погребеніе, положили усопшихъ въ могилу, а по отряду давно уже несется «къ конямъ! садись!» Зарыли наскоро могилу, поставили на нее маленькій крестикъ, перекрестились еще разъ и рысью поѣхали къ полкамъ своимъ.

До 12-ти час. дня шли благополучно; получено донесеніе, что половина нашего 3-го эскадрона ходила въ атаку на большой японскій разъѣздъ, зарубили одного японскаго офицера и пять солдатъ, захватили четыре лошади съ сѣдлами. 4-й эскадронъ тоже нѣсколькихъ зарубилъ и трехъ драгунъ взялъ въ плѣнъ. Остановились въ трехъ верстахъ отъ города Нью-Чжуана, и нашъ полкъ пошелъ обходить его. Японская пѣхота стрѣляла ружейнымъ огнемъ въ наши эскадроны, но неудачно; только ранили одну лошадь. Видя себя обойденными, японцы бѣжали, при чемъ многіе побросали ружья, ранцы. Корнетъ Романовъ съ взводомъ лавой проскакалъ весь городъ и удостовѣрилъ, что японцы бѣжали. Я ѣхалъ съ артиллеріей немного спустя. Еще лежали поломанные нашимъ полкомъ телеграфные столбы и порванная проволока. Обѣхали городъ. Надо спѣшить къ Инкоу. «Батюшка, смотрите скорѣе направо: наши японскій транспортъ берутъ», кричитъ Михайло. Оглянулся я; дѣйствительно, нашъ второй эскадронъ

карьеромъ нагналъ обозъ съ порохомъ и жизненными припасами въ 200 фуръ; прикрытіе разбѣжалось, и вотъ запылалъ огромный костеръ. Взрывы пороха слѣдовали одинъ за другимъ, и черный дымъ валилъ къ небу. Въ самомъ городѣ горѣли склады: сами японцы подожгли. Стеннѣло. Проѣхали нѣсколько японскихъ этаповъ съ флагами; конечно, конвои разбѣжались, и дворы были полны транспортовъ со всякой всячиной. Эти транспорты сейчасъ же зажгли, такъ что кругомъ пути нашего сразу образовалось нѣсколько огромныхъ пожаровъ. Всего въ этотъ день сожгли 600 транспортныхъ груженныхъ фуръ и взяли до 1000 лошадей и муловъ. Можете себѣ представить, что за зрѣлище было вокругъ насъ въ этотъ вечеръ?! Удача набѣга оживила всѣхъ; вездѣ слышался веселый говоръ, смѣхъ и остроты. Въ 10 час. вечера остановились на ночлегъ въ деревнѣ Ляу-тан-гоу. Осталось 12 верстъ до города Инкоу. Легли, конечно, не раздѣваясь.

30-е декабря.

Выступили рано утромъ; двигались очень медленно; по дорогѣ жгли японскіе транспорты. Нашего полка разбѣзды подъ начальствомъ корнетовъ Граве и Гурова порвали телеграфныя и телефонныя линіи, захватили телефонную станцію и цѣлую кучу полученныхъ, но еще не розданныхъ японскихъ писемъ. Въ 12 часовъ дня весь отрядъ остановился верстахъ въ пяти отъ г. Инкоу. Высшіе начальники собрались на военный совѣтъ, а мы сѣли на гаолянную пашню закусывать, доѣдать послѣдній хлѣбъ; дальше сухарики!... Еще рано утромъ было слышно нѣсколько взрывовъ: это наши саперныя команды, составленныя изъ драгунъ, казаковъ и пограничниковъ, рвутъ полотно желѣзной дороги. Всего произведено болѣе двадцати взрывовъ, и желѣзную дорогу сильно попортили на протяженіи отъ Хайчена до Инкоу. Въ 3 часа тронулись и прямо рысью; поднялась такая пыль, какой не было отъ начала похода: хвоста идущей впереди меня лошади не было видно. Положилъ я на волю Божію, натянулъ погрѣбче поводъ, скачу. Вдругъ лошадь моя сразу стала; едва не слетѣлъ я. Впереди что-то барахталось; оказывается, докторъ Нѣжинскаго полка упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Нѣтъ времени останавливаться — скачу далѣе съ мыслью: «что-то съ нимъ!?!...» Около часу продолжалась эта скачка; наконецъ, у деревни Ляньсан-цзунъ остановились; станція Инкоу передъ нашими глазами; идетъ паровозъ. Развернулся отрядъ въ боевой порядокъ; выѣхала артиллерія на позицію; назначили у деревни перевязочный пунктъ; я съ врачами и съ Полей

на пунктѣ. Смотрю, подъѣхалъ и Нѣжинскій докторъ. Господь сохранилъ его; только сильно ушибъ онъ ногу. Дрогнула земля: раздался залпъ нашихъ орудій. Завизжали снаряды и полетѣли къ станціи. «Запарилъ» сразу паровозъ и началъ «удирать», давая тревожные сигналы. «Ишь его», кричали солдаты: «испугался, бѣжить!...» Полтора часа продолжалась адская канонада; орудія стояли только въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ. Невозможно описать состоянія души, возбужденія нервовъ при близкой артиллерійской пальбѣ, тѣмъ болѣе, что мы ежеминутно ожидали съ японской стороны отвѣта: китайцы увѣрили насъ, что въ Инкоу 16 пушекъ и много пѣхоты. Конечно, если бы у японцевъ были пушки, то снаряды ихъ, безъ сомнѣнія, попадали бы и въ насъ. Докторъ конной батареи говоритъ: «Ну, господа, если они шрапнельку намъ пришлютъ, я еще согласенъ; а если шимозныя бомбы, то благодарю покорно, надо скорѣе тогда отодвигаться назадъ». Послѣ первыхъ же выстрѣловъ загорѣлись склады около станціи и горѣли потомъ всю ночь. По сигналу канонада прекратилась, и по эскадрону отъ полка въ пѣшемъ строю были посланы къ окопамъ произвести боевую развѣдку, а, если удастся, то и взять ихъ. Огъ нашего полка пошелъ третій эскадронъ. Три раза храбро бросались эскадроны и сотни въ атаку на окопы; но у японцевъ оказались не пушки, а пулеметы, которые положительно дождемъ сыпали пули. Пришлось вернуться. Главное было сдѣлано: дошли до Инкоу, демонстрація произведена, склады и транспорты сожгли, желѣзную дорогу попортили и тѣмъ заставили японцевъ на будущее время тщательно охранять свой тылъ и фланги и на это употребить не одну тысячу людей. Значить, освободившаяся портъ-артурская армія далеко не вся присоединится къ маршалу Ойямъ на рѣкѣ Шахе.

Въ сраженіи при г. Инкоу въ нашемъ полку слѣдующія потери: погибъ славною смертью героя корнетъ Романовъ (въ него попало четыре пули), и раненъ въ ногу шт.-ротм. Пантелѣевъ; убито четыре солдата, пятнадцать ранено, и восемь бросились въ окопъ и тамъ остались; навѣрно, тоже убиты. Во всемъ же отрядѣ раненыхъ челоуѣкъ 150 да убитыхъ 80—90. Задача выполнена; пора назадъ. Помогите, Боже, дойти благополучно! Уже недѣля, какъ мы отрѣзаны отъ всего міра. Чувство такое, какъ будто мы умерли, а отечество, близкіе гдѣ-то далеко-далеко, въ другомъ мірѣ и войти съ ними въ общеніе не въ нашей власти: умерли да и только! Оказалось, это чувство испытывалось всѣми. Въ 9 час. вечера приказано отойти назадъ верстъ на 10—15 и туда перенести раненыхъ. Не забыть мнѣ этой

ночи! Всѣ три колонны шли по одной дорогѣ: артиллерія, зарядные ящики, патронныя двуколки, лазаретныя линейки, вьючный транспортъ, казаки, драгуны.

Слабо свѣтитъ луна сквозь тучи пыли; сзади зарево пожара — горитъ Инкоу; стрѣляютъ пушки, кричатъ транспортные солдаты на своихъ муловъ и монголовъ, завываютъ неистово мулы, ржутъ лошади, и ко всему этому вдругъ начинается все нестись рысью. Впереди буквально ничего не видно; скачешь, какъ будто увлекаетъ какая то стихія. По дорогѣ попадаютъ догорающія транспортныя японскія фуры съ вьюками разнаго товара. Наконецъ, «стой, слѣзай!» Деревня, ночлегъ, 12¹/₂ час. ночи. Фанзу, фанзу скорѣй, канъ! Силъ не хватило ни умыться, ни жажду утолить. Перешагнувъ порогъ и, какъ былъ въ пыли, грязи, прямо на канъ повалился. А тутъ донесеніе, что въ Инкоу спѣшно прибыли 7000 японцевъ съ артиллеріей и, вѣроятно, пойдутъ за нами; но я уже ничего не слышу и сплю. Тревожно спалъ: представлялось, будто я забылъ гдѣ-то святыя Дары. Съ ужасомъ просыпаюсь. Слава Богу, это сонъ: св. Дары на мнѣ. Завтра утромъ поѣду къ раненымъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Желая своевременно отзываться на быстро возникающіе въ наше время запросы церковно-общественной жизни, «Общество распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви» нашло благовременнымъ вмѣсто журнала «Православно-Русское Слово», выходившаго лишь 20 разъ въ годъ, издавать съ будущаго 1906 года новый еженедѣльный журналъ, церковно-общественнаго характера, подъ названіемъ:

„ЦЕРКОВНЫЙ ГОЛОСЪ“

который будетъ выходить съ 1 будущаго января по пятницамъ, тетрадями (въ обложкѣ), не менѣе двухъ печатныхъ листовъ въ каждой, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія редакціонныя статьи по всѣмъ вопросамъ вѣры и церковной жизни, которые выдвигаются временемъ, а также по вопросамъ го-

сударственнымъ, бытовымъ и т. д., насколько послѣдніе требуютъ въ отношеніи къ себѣ церковной оцѣнки въ сознаниіи вѣрующихъ.

2) Религіозно-филосовскіе и историческіе этюды, по возможности живые и краткіе, разнообразныхъ авторовъ по тѣмъ же вопросамъ.

3) Духовно-назидательныя статьи, по преимуществу — примѣнительно къ временамъ церковнаго года, могущія служить пособіемъ или матеріаломъ для проповѣдниковъ. — Беллетрическія статьи религіозно-нравственнаго характера и стихотворенія.

4) Думы пастыря надъ явленіями современной мысли и жизни, въ формѣ небольшихъ отзывовъ, дневника и т. под..

5) Хроника церковно-общественной жизни въ Россіи и извѣстія о дѣятельности «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія», различныхъ его учреждений и аналогичныхъ ему обществъ.

6) Корреспонденціи о разныхъ событіяхъ и явленіяхъ религіозно-нравственной жизни въ Россіи и въ православныхъ церквахъ за границей.

7) Обзорніе выдающихся статей въ повременной духовной и свѣтской печати («Изъ повременной печати»).

8) Статьи критическаго и апологетическаго характера.

9) Библиографія.

10) Вопросы читателей (идейнаго, а не узко-практическаго) и отвѣты на нихъ.

11) Смѣсь.

12) Почтовый ящикъ редакціи.

Редакція журнала «Церковный Голосъ» намѣрена быть проводникомъ заявившаго себя въ послѣднее время церковно-прогрессивнаго направленія и на знамени своемъ выставяетъ:

1) Вѣрность началамъ древней Вселенской Церкви не только не стѣсняющей церковнаго творчества, необходимаго для обновленія церковной жизни, но и призывающей къ нему.

2) Необходимость для настоящаго времени широкихъ церковныхъ реформъ на началахъ соборности, возстановляемой отъ самаго низа — приходской жизни, до вершинъ церковнаго управленія.

3) Свободу церкви, ея жизни и ея науки.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ высланы, въ качествѣ *бесплатнаго приложенія*, два тома (каждый въ двухъ выпускахъ) извѣстныхъ писателей богослововъ:

1) *Богословскія академическія чтенія преосв. Иоанна, еп. Смоленскаго.*
и 2) *Православіе въ отношеніи къ современности, А. М. Бухарева (бывшаго архимандрита Теодора).*

Цѣна журнала «Церковный Голосъ» съ приложеніями 5 р. въ годъ съ доставкою и пересылкою, за границу — 6 руб..

Адресъ редакціи и конторы: СПБ. Стремянная 20.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА
„ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1906 году.

Въ 1906 году подписчики на «Воскресное Чтеніе» за три рубля получают въ теченіе года:

1) 52 нумера журнала — разнообразнаго духовно-назидательнаго и общепользнаго содержанія.

2) Въ *приложеніи* къ журналу будутъ печататься заблаговременно поученія на всѣ воскр. и праздн. дни года, подъ заглавіемъ «*Церковная Проповѣдь*» Поученія будутъ назидательны, просты по изложенію и по возможности кратки.

3) Дано будетъ въ теченіе года 20 №№ *Поучительныхъ листковъ* для народнаго чтенія, содержаніе которыхъ будетъ направляемо къ огражденію православно христ. ученія отъ всякихъ противныхъ оному и зловерднхъ ученій и къ искорененію умножающихся въ народѣ пороковъ и беззаконій.

4) Всѣмъ подписчикамъ съ первымъ же № будетъ разслана очень назидат. книга «*Пастырскій призывъ къ трезвости*» (Сборникъ поучит. стихотвореній для чтенія въ народныхъ чайныхъ, школахъ и дома).

Цѣна за всѣ эти изданія *только три руб.* съ перес. При этомъ редакция допускаетъ подписку и *отдѣльно* на *Поученія и Листки* за 1 руб. съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель Протоіерей *Іоаннъ Богородицкій.*

Содержаніе. Высоч. награды. — Награды отъ Св. Синода. — Отъ правленія Похоронной Кассы. — Поученіе о вредѣ сквернословія. — Освященіе церкви часовни при Кронштад. морск. госпиталѣ. — Панихиды надъ иновѣрцами. — Письмо старш. воен. врача къ своему младшему товарищу. — Дневникъ полков. священника, служащаго на Д. Востокѣ (про долженіе). — Объявленія.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
 С.-Петербургъ, 10-го Января 1906 года.

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ.*